

Когда Цзянь Хуай потерял сознание, его воспоминания застряли на моменте, когда Цзянь Бохань покончил с собой, спрыгнув с крыши.

Знакомый запах Цзянь Боханя, внезапно оказавшийся рядом, заставил Цзянь Хуая напрячься.

Он подумал, что Цзянь Бохань что-то задумал — этот человек не мог умереть так просто.

Наряду с настороженностью в нём шевельнулась и радость, которую Цзянь Хуай даже не осознавал.

Но когда он открыл глаза, то не увидел Цзянь Боханя — только окровавленный кинжал и незнакомую женщину.

Цзянь Хуай сжал кинжал, совершенно растерянный. Все его эмоции — настороженность, враждебность, страх, боль, притворство и слабое облегчение — исчезли.

Затем он увидел Ши Чанфэна.

Ши Чанфэн схватил тонкое, но сильное запястье Цзянь Хуая и что-то сказал.

Цзянь Хуай не расслышал. Его зрение было затуманено, а в ушах стоял сильный звон. Только обоняние оставалось острым.

Незнакомое пространство, запахи множества чужих людей, совершенно незнакомая обстановка. Привычными ароматами для Цзянь Хуая были сырость подвала и больничный запах дезинфекции. Здесь же воздух был пропитан пороховым дымом от оружия, что вызывало в нём необъяснимое раздражение.

Поговорив некоторое время, Ши Чанфэн понял, что Цзянь Хуай его не слышит.

Осторожно он притянул Цзянь Хуая к себе, позволив тому опереться на него.

По телу Цзянь Хуая разлилась прохлада, его окутал успокаивающий аромат льда и снега.

Эмоции стабилизировались, звон в ушах стих, и он наконец услышал Ши Чанфэна.

— Цзянь Хуай, теперь ты в нашем мире, — сказал Ши Чанфэн.

Цзянь Хуай пристально посмотрел на него, моргнул, не уверенный, что понял.

— Остановите машину, — распорядился Ши Чанфэн.

Как старший по званию, он был немедленно понят.

Они находились на шоссе между городами Х и В. Ши Чанфэн вывел Цзянь Хуая из машины, позволив тому вдохнуть свежий воздух.

Открытое пространство немного вернуло Цзянь Хуаю зрение. Подняв голову, он увидел мерцающие огоньки в небе и полумесяц, после чего спросил в замешательстве:

— Что это?

Сердце Ши Чанфэна сжалось.

— Это звёзды и луна.

— А... Кажется, я видел их в книгах и по телевизору.

Только в книгах и по телевизору. С момента рождения каждую ночь он проводил в том мире — мире без звёздного света и лунного сияния. Цзянь Хуай никогда не видел настоящего ночного неба.

Он был взрослым восемнадцатилетним парнем с нормальным интеллектом и восприятием, но в некоторых аспектах сохранял необъяснимую наивность.

— Это наш мир. Твой кинжал здесь называют «остаточным предметом», — объяснил Ши

Чанфэн. — Каждое прохождение оставляет след. Контакт между двумя параллельными мирами неизбежно оставляет в нашем мире некоторые объекты. Эти предметы часто обладают силой того мира и могут представлять угрозу. Мы называем их «остаточными предметами».

Остаточный... Цзянь Хуай посмотрел на кинжал, подумав, что название подходящее.

— Я думала, это физический «остаточный предмет», но оказалось, ментальный. Я чуть не попала под его влияние. Спасибо, что спас меня, — сказала Шань Гулань, протягивая руку в знак дружбы.

Цзянь Хуай не двинулся — он не знал эту женщину.

— Шань Гулань, заместитель командира Нулевой Команды, Китай регион 1, позывной «Глубокая трясина». Мой единственный начальник — Ши Чанфэн, — спокойно опустила руку Шань Гулань.

Ночной ветерок ласково трепал её волосы, делая её уязвимой.

— Почему ты такой маленький? — улыбнулась Шань Гулань. — Ты совершеннолетний? Или наш капитан привёл несовершеннолетнего?

— Восемнадцать лет, — наконец ответил Цзянь Хуай.

Видя его состояние, Шань Гулань вздохнула.

Теперь она понимала, почему Ши Чанфэн привёл Цзянь Хуая.

— Садитесь в машину, — сказала она им. — У нас много дел. Последствия в больнице разберут в PR-отделе, нам же нужно убедить обычных людей, которые проспали три дня. Капитану Ши нужно отчитаться перед начальством о том мире и проверить «остаточные предметы», чтобы определить их способности, побочные эффекты и уровень опасности. Юань Фэйхан и я заставим Ван Сяошуая подписать соглашение о неразглашении. После этого у нас будет собрание, где мы обсудим тебя.

— Я привёл его сюда, значит, я несу за него ответственность, — заявил Ши Чанфэн.

— Это объяснение не для меня, а для начальства, — парировала Шань Гулань.

— Давайте сначала сядем в машину, — вздохнул Ши Чанфэн, обращаясь к Цзянь Хуаю.

Тот сжимал кинжал, с тоской глядя на звёзды.

Шань Гулань потерла виски.

— Не волнуйся, я не заберу твой кинжал. Даже в изоляционном боксе он влиял на сознание людей, но в твоих руках он спокоен. Ради безопасности всех в машине, ты оставишь его у себя до базы.

Только после этого Цзянь Хуай сел в машину вместе с Ши Чанфэном.

Он запомнил запах Шань Гулань — лёгкий цветочный аромат.

В машине расстановка изменилась: Юань Фэйхан сел позади Ши Чанфэна, оставив Шань Гулань одну.

Она не извинилась перед Юань Фэйханом, а задумчиво смотрела в окно.

Кинжал вскрыл её глубокий страх, обнажив уязвимость.

Цзянь Хуай сжимал кинжал, его разум был пуст.

Цзянь Бохань умер, исчез из его мира. Всё, что Цзянь Хуай любил, ненавидел и боялся восемнадцать лет, исчезло. Он потерялся в этом чужом мире.

Путь прошёл в тишине. Под утро они сменили машину на военной базе, пересев с броневика в

туристический автобус, и прибыли к четырёхэтажному зданию.

Над входом висела вывеска: «Турагентство нуль-мерного пространства».

Ван Сяошуай: «...»

Юань Фэйхан тихо объяснил:

— Многие члены «Нулевой Команды» до вступления были обычными людьми. У них есть семьи, и им нужна официальная работа, поэтому турагентство — прикрытие.

А, понятно.

В здании они поднялись не вверх, а спустились на лифте.

Подземное пространство было намного больше наземного. Они остановились на десятом подземном этаже. Ши Чанфэн сказал Шань Гулань:

— Отведи Ван Сяошуая на обследование и найди мне осведомлённого психолога.

Цзянь Хуаю нужна была профессиональная психологическая помощь, чтобы адаптироваться к новому миру.

Ядро «Нулевой Команды» состояло из резонаторов сознания, большинство из которых имели психологические проблемы. Психологи были наняты со стороны — они не были резонаторами, но подписали соглашение о неразглашении и являлись проверенными профессионалами.

Шань Гулань увела Ван Сяошуая, а Ши Чанфэн отвёл Цзянь Хуая в простую комнату в общежитии.

— Это моя комната, — нервно облизнув губы, сказал Ши Чанфэн. — Отдохни здесь. Я отчитаюсь перед начальством, и, возможно, они захотят тебя увидеть.

Цзянь Хуай молчал, тихо сидя на кровати и сжимая кинжал — единственную связь с прежним миром.

Когда Ши Чанфэн коснулся кинжала, выражение Цзянь Хуая из спокойного стало оборонительным, глаза наполнились враждебностью — он не хотел отпустить кинжал.

Ши Чанфэн вздохнул и достал из-за пояса старый дневник, протянув его Цзянь Хуаю.

— Я нашёл этот дневник в кабинете Цзянь Боханя, — сказал он. — В твоём мире правила не позволили бы тебе его прочесть, но здесь — можно.

Цзянь Хуай взял дневник, но кинжал не выпустил.

Ши Чанфэн протянул руку, почувствовав сопротивление. Он не стал забирать кинжал, а погладил Цзянь Хуая по голове.

— Пойдёшь со мной, когда будем проверять «остаточные предметы».

Цзянь Хуай кивнул. Ши Чанфэн оставил рацию, показал, как ею пользоваться, и велел звонить, если что. Затем ушёл докладывать начальству.

Цзянь Хуай подошёл к столу Ши Чанфэна и открыл дневник.

Со времён до его рождения, когда Цзянь Бохань и Си Лань выбирали ему имя, до всего, что Цзянь Бохань делал после его рождения — всё было перед ним:

«Я исследовал кровь Цзянь Хуая и обнаружил в ней таинственную силу, похожую на нестабильную энергию ночи, но другую. Энергия ночи была наполнена смертью, а кровь Цзянь Хуая — жизнью.

Почему? Мне так и не удалось это проверить, только предположить.

Возможно, потому что Цзянь Хуай родился в день нисхождения того мира, и силы жизни и смерти боролись в нём, дав ему антителоподобную способность.

Более десяти лет я искал детей, рождённых в тот же момент по всему миру — никто не выжил. Я не знаю, почему выжил Цзянь Хуай. До сих пор не понимаю, что произошло в операционной в тот день.

Может, Си Лань что-то сделала перед смертью, чтобы защитить нашего ребёнка... Можно ли это назвать «везением»?

Я выживал по ночам благодаря крови Цзянь Хуая, но знал, что к 2021 году в том мире не останусь в живых.

Только Цзянь Хуай особенный. Как ему жить в этом мире?

Это неразрешимая задача, и это единственный ответ, который я могу дать.»

Закрыв дневник, Цзянь Хуай зашёл в ванную.

Над раковиной висело зеркало. Он не смотрел в зеркало много лет.

Подняв голову, он увидел след слезы под глазом. Его лицо было очень похоже на лицо Цзянь Боханя, только без следов времени.

Цзянь Бохань не нашёл ответа — не нашёл его и Цзянь Хуай.

К этому человеку, причинявшему ему боль и страх, он не знал, как относиться — любить или ненавидеть.

Всё-таки единственная семья, что была у него за восемнадцать лет, не научила его любить.

Глядя на отражение, Цзянь Хуай молча поднял кинжал и провёл по лицу.

Над правой бровью появился порез, который быстро зажил.

В дневнике Цзянь Боханя упоминалось, что раны Цзянь Хуая затягиваются быстро.

Но в этот раз после заживления остался шрам.

Как у Цзянь Боханя — отметина боли, любви или ненависти — была впечатана в восемнадцать лет Цзянь Хуая.

И он решил жить с этой болью.

Вернувшись в комнату и не обнаружив Цзянь Хуая, Ши Чанфэн почувствовал тревогу.

Услышав воду в ванной, он ворвался внутрь и увидел Цзянь Хуая перед зеркалом — с новым шрамом на лбу.

Цзянь Хуай обернулся, встретившись с ним взглядом.

— Ты ведёшь меня к начальству? Пошли.

Ши Чанфэн обнял его, прижавшись головой к плечу, и ничего не сказал.

<http://bllate.org/book/13781/1216457>